

Кто-то осень горькой называет
И над вдовьей плачется судьбой,
А она по шёлку вышивает
Нитью золотой.

1924

* * *

Дождь, по кустам пробегавший
и падавший,

Остепенился, ушёл на закат.
Кажется, до колокольчиков, ландышей
Только дотронешься — и зазвенят.

1939

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебряной звездой летит в ладони
детство,
Мерцает и звенит, спеша уверить всех,
Что жить нам — не устать, глядеть —
не наглядеться
На этот первый снег, на этот первый снег.

Распахнут твой платок, у ног лежит
ребёнка,
Синицы за тобой следят из-под застрех.
А ты стоишь тиха, как тайный вздох ребёнка,
Как этот первый снег, как этот первый снег.

Мы встретились опять. К чему ж
твоя тревога?
Немало впереди у нас дорог и вех.
Благодари судьбу у отчего порога
За этот первый снег, за этот первый снег.

1940

Мы возмужаем и верней оценим
 Простые краски, точные слова.
 Вот снова светит в золоте осеннем
 Чуть тронутая солнцем синева.

И если ты художник, если зорок
 Твой меткий глаз и обострѣн твой слух, —

Туманной тропкой выйди на пригорок,
 Прислушайся и оглянись вокруг.

Перед тобой, как странницы босые,
 Воспоминанья летние тая,
 Бредут берёзы в дальние края,
 А ветер тени путает косые.

Шумят грачи. Так вот она, Россия,
 твоя любовь, бессонница твоя...

1940

СВАДЬБА МАРИНЫ МНИШЕК

Патриарх возложил корону, обряд совершил старинный,
 Все потайные желанья исполнились наконец.
 Панна Марина Мнишек стала царицей Мариной,
 И Кремль перед ней раскрылся, как дорогой ларец.

Палаты царей московских дымком золотым обвиты,
 А колоколен в небе — что в озере лебедей.
 Кланяются Марине знатные москвиты:
 «Всходи на ступеньки трона и всею землёй владей».

Горячей рукой сжимает ей руку супруг влюблённый,
 Чья дерзость её из замка родительского влекла.
 Но вслушивается Марина, как над Москвой бессонной
 Перекликаются гулко медные колокола.

Ей звон колокольный в сердце вонзается, как рапира,
 И не разглядит музыка морщин у её бровей.
 Нет, не к добру нарушил веселье брачного пира
 Сумрачный дьяк московский — Осипов Тимофей.

Он был удостоен чести поздравить её царицей,
 Первым из москвитов на верность ей присягнуть.
 И вот он вошёл в палату, строгий и темнолицый,
 Передохнул, как будто в дальний собрался путь.

«Внемлите, московские люди, речи моей нехитрой,
 Сидящего на престоле царя разглядите в упор:
 Слушай, пришелец незванный, вовсе ты не Димитрий,
 Ты окаянный Гришка, панский свистун и вор.

Слетелись коршуны злые на политый кровью шлях твой,
 Как лучшие гости, ныне пируют с тобою тут.
 А наши дворы худые забраны польской шляхтой,
 И стены кремлёвских башен о мщении вопиют.

Не присягну Маринке, проклятой иезуитке,
Что с коршунём летела от воровских границ...
Пытай меня, если хочешь, — я всё повторю на пытке...» —
И, чьей-то саблей сражённый, на пол свалился ниц.

Умолк обличитель грозный, но чувствуют все, однако,
Что не вернуть веселья прерванного всё равно.
Бледнеет Марина Мнишек. Бойтся мёртвого дьяка,
В палате гуляет солнце, а на душе темно.

Ей хочется крикнуть мужу: «Музыку останови ты,
Вели трубачам тревогу по войску играть скорей!
Идут сюда с топорами суровые москвиты,
Отбиться от них не может стража твоя у дверей».

1939

ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Пепел, выжженные селенья...
Тени виселиц на снегу...
Нынче день твоего рожденья, —
Как поздравить тебя смогу?

Я к тебе не приду с подарком,
Ты вина мне не поднесёшь.
Скоро полночь. За старым парком
Пулемёта смертная дрожь.

Время близится, и по знаку
(Мне приказ боевой знаком)
Я бойцов поведу в атаку,
Путь прокладывая штыком.

Будет бой и долог и жарок,
Смерть пройдёт по нашим следам.
Может, самый большой подарок —
Жизнь мою за тебя отдам.

За поруганные селенья,
За сожжённые города...
Знай, что день твоего рожденья
Не забуду я никогда.

31 декабря 1941

ПИСЬМО

Писать всю ночь письмо. Писать, ещё не зная,
Сумеешь ли послать. И всё-таки писать.

Для самого себя. Поймёшь ли ты, родная,
Что я хотел сказать?... Нет, спугался опять!

Писать всю ночь письмо. Писать, не ожидая,
Что твой ответ придёт. И всё-таки писать.
Так вызывать тебя в разлуке мог всегда я,
И верю, что теперь ты явишься опять.

Незримая, войдёшь в мою палатку мимо
Всех часовых. Войдёшь, как входит
запах трав.

Как входит лунный дым.
Ты мне необходима, —
И ты пришла ко мне. Так разве я не прав?

Я навсегда тебя запомню — вот такую,
Усталую, в росе. Постой, не прекословь.
За тридевять земель, узнав, как я тоскую,
Спешила ты ко мне. И это есть любовь!

1942

* * *

В суровый час раздумья нас не троньте
И ни о чём не спрашивайте нас.
Молчанью научила нас на фронте
Смерть, что в глаза глядела нам не раз.

Она иное измеренье чувствам
Нам подсказала на пути крутом.

Вот почему нам кажутся кощунством
Расспросы близких о пережитом.

Нам было всё отпущено сверх меры —
Любовь, и гнев, и мужество в бою.
Теряли мы друзей, родных, но веры
Не потеряли в Родину свою.

Не вспоминайте ж дней тоски, не раньте
Случайным словом, вздохом невпопад.
Вы помните, как молчалив стал Данте,
Лишь в сновиденьи посетивший ад.

1942

* * *

Золотое облако зноя,
Запах трав — медовый, хмельной.
Небо русское расписное
Распахнулось передо мной.

И пылят пути фронтовые
В нескудеющем свете дня...
Солнце жизни моей, Россия,
Укрепи на подвиг меня!

1943

* * *

Родник из-под камня пробился,
Струится, ни мал, ни велик.
И как же я в детстве дивился
На этот чудесный родник!

К нему приходил я с рассветом
От дома тропинкой прямой.
Струя не скудела в нём летом
И не замерзала зимой.

Прозрачный, спокойно журчащий,
Всегда напоит он людей...
И я повторяю всё чаще:
Вот так бы и песне моей!

1957

НАДПИСЬ НА СТАРИННОЙ КНИГЕ

Сильней мечей и стрел, неборимей стен,
С высот на дольний мир
взирающих надменно,
То слово, где живой огонь запечатлён,
Чтоб сделать явным всё,
что было сокровенно.

Я видел на веку немало перемен,
В круговороте дней страстей кипела пена.
Я знал земных владык величие и тлен,
И вот я говорю: не преклоняй колена!

Коль князь и судия рабы сует дневных —
Не прочна слава их, как свиток из берёсты,
Вновь взвесят их дела, путей исчислят вёрсты,
Едва растает дым кадильниц золотых.
И спросишь ты себя, почуяв запах тлена:
«За что и перед кем я преклонял колена?»

1945-1958

* * *

Милый друг! Мы мужали на стыке эпох,
Сердцем чувствуя каждый излом,
Нам не раз приходилось прикусывать вздох,
Боль завязывать мёртвым узлом.

Что теперь нам сраженья в табачном дыму
И удары чернильных рапир?
Мы с тобою видали такое, чему
Удивился бы даже Шекспир!

1954

* * *

Я душу твою зарифмую,
Глаза твои, губ твоих медь,
Я даже и ревность глухую
Заставлю и плакать, и петь.

Ты станешь тревогой моею
Стучаться в людские сердца...
А большего я не имею,
Чтоб долг оплатить до конца!

1959

* * *

Нет, не внушает мне почтенья тот,
Кто в жизни никогда не ошибался:
Не отставал, не забегал вперёд,
За дело, что не по плечу, не брался.

Пусть, в превосходстве убеждён своём,
Он не хранит воспоминаний смутных.
С таким в дорогу дальнюю вдвоём
Я не пойду. Иной мне нужен спутник:

Кто сердцу верит больше, чем часам,
Кто, помня с детства, как земля упруга,
В пути споткнуться не боится сам,
А друг споткнётся — не оставит друга.

1962

* * *

Блестят под ногами
осколки лазури.
В ночи по морозцу
ушла тишина.
В апрельском лесу,
как на старой гравюре,
Отчётливо
каждая ветка видна.

* * *

Как слава непостоянна —
Знали и в оны дни:
Сегодня кричат: «Осанна»,
А завтра кричат: «Распни!»

Но что эта участь злая
Тому, кто душой открыт,
О славе не помышляя,
Дело своё творит!

Творит его неустанно,
Наполнив заботой дни...
Пусть где-то кричат: «Осанна»,
Пусть где-то кричат: «Распни!»

1963

ПАМЯТНИК 1812 ГОДУ В СМОЛЕНСКЕ

1963

Ты видел этот памятник? Скала,
Тяжёлый меч в руке простёртой галла,
А там, за выступом, — гнездо орла,
Что крутизна веков оберегала.

Напрасно ввысь к нему стремится галл,
Повиснув над зияющею бездной,
Здесь каждого пришельца настигал
Закон отмщенья — клюв орла железный!

Россия, родина моя — скала,
Взнесённая над сумрачной долиной,
Врагов твоих читая список длинный,
Мы слышим взмах широкого крыла.

И славим сыновей твоих дела,
Их зоркий глаз и острый клюв орлиный!

1938–1940

